

«В суету городов
и в потоки машин
возвращаемся мы...»

Помните конец «Вертикали»? Отступал поезд, отпелись песни, улеглось все пережитое, приплыл родной вокзал — и разошлись, разбрелись по шумным улицам ребята, словно ничего и не было: ни гор, ни лавин, ни близкого дыхания неба...

Мы тоже расходимся, разбредаемся. Мы тоже очень рады увидеть родных, после месяца неюта влезть в ванну, отмыться, начитаться за одурения, наговориться внаглую, прилечь к кульманам и к столу, чтобы потом, неожиданно быстро, мучительно затосковать и броситься к телефону:
— Комиссар, как жизнь?

— Какой нетерпеливый! Поживи здесь.

Алим — старый мой друг. Друг с той поры, когда случилась со мной однажды в горах беда: распухла нога, стало невыносимо больно идти — то ли растяжение, то ли воспаление сустава. Выдержал я несколько дней пути, а за два дня до Архыза, в ущелье реки Кизгыч, свалился окончательно. И не где-нибудь, а в самом центре заповедника, у домика егерей. И приехал к нам Алим — егерь заповедника. Мог бы и оштрафовать, мог бы и выгнать. Но увидел он, что у меня с ногой и помог на лошади переправиться через Кизгыч и добраться до Архыза.

С тех пор мы — друзья. Многие я знаю о нем, многое он

Все чаще останавливаю группу: — Подышали! Стоят. Дышат.

Комиссар идет замыкающим. Ему тяжелее всех: кто бы ни сбился, кто бы ни отстал — ему и помогать, и догонять.
— Дайношка, как дела?
— Ничего, дойдем помаленьку...

— Дойдем, это уж точно, — подтверждает Пашка.
Ну, раз подтверждает, значит, пока дышит.

— Терпи, Пашка. Первый раз всегда тяжело.

Выше границы леса, на невысокой траве стоят наши палатки: желтая да красная.

Как отлично выпались! Да и гроза пошумела в стороне, слышала минут на двадцать мелким дождиком, а потом ушла на

Переправляемся вброд, обившись по трое: в середине — девушка, по краям — ребята.

Впереди открылся весь Марух-баши, с изрезанным трещинами ледником, спускающимся из-под облака, от легендарного Марухского перевала.

Снежными выдalisся военные зимы здесь, на склонах Кара-Кая и Марух-баши. Да и после войны сыпала пурга снегами, словно хотелось природе прикрыть, спрятать навеки жуткие раны Кавказа, страшные следы боев.

Даже за жаркое лето не успевали оттаять снега.

И вот, в начале шестидесятых годов пронеслась по Каракаеву Черкесии весть, что пастух из Хасаут-Греческого по имени Мурадин, блуждая в поисках отбившихся от отары овец, набрав на склонах Кара-Кая, на открывшихся во льдах ячейки, патроны, гранаты, мины. И видел он выплывающие из льда останки солдат. Много останков.

Вспомнили старики о боях на Марух-баши, на перевалах Санчара, Адзапчи.

— Молодые ребята, совсем мальчишки воевали тогда, — говорили они. — Там многие и остались...

И пошли наверх горцы. Пошли наверх альпинисты.

И находили они останки солдат, вмержших в лед, убитых пулями фашистских егерей. Находили солдат, занесенных лавинами. Находили их нехитрые пожитки: ложку, котелок, рюкзачок, британские принадлежности, слипшиеся документы.

Они выстояли, солдаты 805-го и 810-го стрелковых полков.

Выстояли, хоть шли на низ горные дивизии гитлеровцев сытые, обутые, прекрасно подготовленные к боям и на крутых склонах гор, и на ребрах скал, и среди ледовых торосов — но не готовые к встрече с ребятами, способными превратиться в лед, но не дрогнуть, не отступить, не уйти.

И я бродил по Марухскому леднику. И видел: кости, придавленные камнями; ржавый пулеметный ствол, зажатый обломками гранита и ржым зрачком своим смотрящий вниз; консервные банки у истоков Аксаута и Маруха; гильзы, гильзы, гильзы...

Был прекрасен Кавказ: голубели его льды, роскошно цвели рододендроны, летел и развивался в пыль водопад, парил над ущельем орел.

А я не мог отвести глаз от скромного памятника, который открывали тогда здесь, на Марухском перевале. Стояли рядом и плакали бывшие солдаты, чудом уцелевшие в том огне. Назывались фамилии погибших друзей: Коптев, Иванченко, Жаров, Татарашвили...

Столько уже прочитано о войне. Столько фильмов просмотрено. Иногда даже боязно: не привыкнет ли душа человеческая ко всему этому?

Чтобы не привыкла, чтобы помнила и берегла мир, надо бы каждому побывать в Вресте и Хатыни, Саласпилсе и на Пискаревском кладбище, прийти в 9-й форт Каунаса и подняться на продуваемый всеми ветрами Марухский перевал...

(Окончание следует).

КРУТЫЕ ТРОПЫ ГОР МОИХ

ИЗ ДНЕВНИКА

— Светка, что поделываешь? Слайды готовы?

— Дайнора, не пора ли приехать?

— Лабас, Янис! Привет из Минска! Соснучился.

— Как дела, Пашка? Все порчишь?

И слышать их радостные вопли, и понимать, что ничто не кончается и все впереди!

«Что же делать?»

И боги спустились на землю...

землю...

Итак, я — командир. Снова мне предоставлено изумительное право выбирать маршрут, читать литературу, искать карты и схемы, подсчитывать, что брать с собой, сколько весит то, а сколько это, оформляться через турбул, списываться с городами. Мне же в награду за этот труд при разборе скажут ребята в конце похода: «Отлично, командир!» а потом вспомнят все грехи и огрехи: на ошибках, мол, учимся, не зазнавайся, давай и дальше так, но...
Итак, я — командир.
И едем мы на Кавказ.

Идем мы на Кавказ.

Идем мы на Кавказ.

...В огромном переднем стекле «Икаруса» показалась гряда в белых крапинках снега, потом выглянула и ледовая громадина, такая на вид доступная и безобидная. Река каким-то чудом бежит уже рядом с дорогой, бело-зеленая и быстрая.

Черные и синие леса карабкались к снегу, солнце вычерчивало на противоположном склоне изрезанную черту: внизу — тень, вверху — свет.

Ущелье раздвинулось — и автобус вбежал в Архыз.

Алим был рад нам. Он тряс мою руку, хлопал по плечу, спрашивал о жизни и радостно уверял: «Будет вам пропуск!»

— Завтра? — спрашивал я.

знает обо мне. Знаком с женой Алима, знаю семерых его дочерей: старшая уже работает, младшая — учится ходить. Слышал песни их каракаевские, пел им наши песни.

И письма Алима полны маленьких радостей: зубренок появился, зима была снежная, но лавин не было и все зубры хорошо ее перенесли, и сына он ждет — обязательно сын будет, жена обещала.

Остался позади и как-то сразу исчез кордон. Заповедник принял нас в свои объятия, одарил ароматом трав и цветов.

Господи, как же хорош этот мир! Как хороши эти первые часы. Все знакомо и все новое. И рюкзак уже намаял спину, а мир не перестает быть прекрасным. Даже Пашка крутит головой во все стороны. Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжит кинокамера: все запечатлеть, все увезти домой!

И вдруг — красноезвездный обелиск, очень скромный и маленький. Он — как тихий взрыв. Так странно здесь, в райских этих местах, вспомнить, что лежит в этой земле юные ребята, прикрывшие собой от черной напасти всю эту красоту.

Не здесь они сражались: там, наверху, у перевалов.

А потом горцы несли их вниз. На руках несли. И похоронили на поляне, у тропы. Кто бы ни шел — поклонится.

Никогда к этому не привыкнешь: увидишь памятник — и шмтит сердце. Здесь ли, на земле ли моей Белоруссии, где-то среди леса или у болота...

Положили и мы цветы к памятнику. Помолчали...

Положили и мы цветы к памятнику. Помолчали...

Тяжело. Тропа не дает передышки: ни ровной площадки, ни маленького спуска. Вверх да вверх. И жарко.

юг пугать пляжников на море. Но далеко ей идти.

Утром вышли на полчасца позже: Паша забастовал — он не выпался. Уговаривали. Ругали. Объявляли: полчасца по холоду потерял — два часа на жаре нашел.

У коша ждал нас пастух. Через морщинистую черную шею перекинул бинокль, через плечо — транзистор, весело объявлявший нам, что Ставрополье оканчивает уборку, а с конвейера Белорусского автозавода сошел самосвал новой модели. Приятно, словно привет из дома получили.

Поговорили со стариком, выпили по кружке айрана, отломали по кусочку сыра.
И опять вверх да вверх...

И опять вверх да вверх...

И опять вверх да вверх...

Как рассветает в горах? Сначала вокруг черным-черно. Звезды — крупные, как отборные зерна, рядышком с нами. мы в их окружении, кажется, можем взять их в руки и пересыпать из ладони в ладонь...

Потом на востоке кто-то начинает разводиться чернота. Небо теряет свою абсолютную непрозрачность. Вот уже рассвет подлил чуть синьки — и край неба стал голубым, потом по светлел. И в этом новом небе, словно очерченный розовой тушью, зажегся вдруг краешек льда на вершине. Еще не видно ни горы, ни серых скал, ни зелени лугов, а лед бездумно полыхает в рассветающем небе, и свет этого полыханья постепенно поглощает и звезды, и темноту, он заливает ущелье и небо.

С утра, пока еще не набрала река воду, переправляемся через Марух. Здесь он неглубокий, разлился несколькими рукавами. Шумит вода, кружится.

(Окончание. Начало в номере за 3 сентября с. г.).

Туман. Туман.
Все исчезло: ни гор, ни цветов.

Даже река притихла. Идти? Не идти? Когда разойдется туман? Наверно так заблудиться, что и до беды недалеко...

Веселый пастух Алик прискакал на вороном жеребце Науре к палаткам, спрыгнул лихо к костру и радостно сообщил, что туман сегодня не уйдет никуда: так ему сказал старик Назыр. А Назыр знает все: «Все знает, что есть, что будет, клянусь, в чем дело, а?»

Объявляю дневку.
Похоже, все рады.
Беседуем с Аликом.

Он служил у нас, в Белоруссии, в Могилеве. Хвалит Белоруссию:

Борис ГАНКИН

КРУТЫЕ ТРОПЫ ГОР МОИХ

ИЗ ДНЕВНИКА

— Могилев, — вай, какой город! Правда, Минск мало видел, но на вокзале был. Город — во! Там у вас дядя мой погиб, герой, его Османом звали...

Подумал Алик и добавил:

— Одно плохо — у вас стариков уважают не так, как у нас. У нас с отцом за одним столом сидеть — честь большая. Жениться — отца с матерью спросить надо, а как же! Всех старших спросить надо. Они жили много, много знают. Правду говорю, в чем дело, а? Комиссар и Янис зовут всех обедать: уже за полдень, а вокруг тот же туман.

Алик суп с тушенной не ест: свинину нельзя, отец ругать будет.

— А, никто не узнает.

— Тогда давай. Но мало-мало!

К ужину привез Алик айран и молоко парное.

Все довольны: надоели концентраты да тушенка.

Туман, туман.

Долго говорим о всякой всячине.

Алик спрашивает:

— Слушай, ребята, а зачем вы с рюкзаком ходите? Мне и без рюкзака не хочется: горы я и так знаю. Тяжело с рюкзаком, а?

Это старый вопрос. Все знакомые спрашивают и до отъезда, и после. Мы обычно шуточками отходимся.

Как рассказать о горах? Ведь и у нас, в Белоруссии, места есть такие, что дух захватывает и не успеешь дивиться фантазии и вкусу природы-матушки.

И на Волге, в Плесе, стоял я, затаив дыхание, и смотрел с холма на реку, на березовые рощи, на глубокую долину...

Но нигде еще не нашел я такого места, чтобы в один день можно было прийти из лета в зиму, вернуться из зимы в лето — и при этом слышать непрерывную песню воды, шагая рядом с облаками или свозом них, падать от усталости на камень и замирать от счастья: я все-таки дошел, я победил усталость, вот она — вершина, а там уже зовет меня новая. Как лакмусовой бумажкой растворяются, так горами высветиваются, проверяются люди.

Опасно? Да. Опасно. Но не больше, в конце концов, происходит в горах несчастных случаев, чем на минских улицах. И каждый случай — ЧП.

Да, горы бывают жестокими. И мне довелось провозжать ребят, с которыми рядом быть — уже награда: такой свет дружбы исходил от них. Галя Пивоварова — хирург-онколог, добрейший человек. Володя Скакун — энтузиаст и оптимист. Арик Крупп — талантливый и скромный, словно бы стеснявшийся своей известности. А Миша Корень, Аня Нехаева...

...Поздно ночью пошло-поехало: ветер, гром и молнии. Да такой гром, словно какой-то богатырь рвет небо пополам.

* * *

Зато утро — ясно, солнечное. Отбелены снежком вершины. Река потемнела, вздулась, но гудит весело, и этот гул сопровождает нас, почти не стихая, до перевала: мы возвращаемся из ущелья Маруха в ущелье Кизгыча, в заповедник.

Удивительная разница между открытым для всех ущельем Маруха и заповедником. Там трава вытоптана овцами — здесь она невероятно густая, свежая, пахучая. Там троп немощное множество — здесь теряется в дугах почти уже незаметная тропка. Там пастухи с радиоприемниками. Здесь — только природа.

Я думаю, что когда-нибудь не будет заповедников: люди научатся беречь природу, как душу свою. Можно взять для костра сухую веточку — но можно и рубить по живому. Можно закопать каждую банку — но можно и нашьвырять мусор. Можно костерок погасить — а можно и сжечь лес. Как часто рубим мы сук, на котором сидим. Рубим и радуемся: еще держится. А если полетим?..

* * *

Хорошо поет Света. Под аккомпанемент реки. Завтра нам через Кизгыч предстоит.

ТВИЯ

А сегодня поем влaсть. Па-ша, правда, недоволен нашим репертуаром: он любит песни типа «В имении Ясна Поляна...» или «На Дерибасовской...» Но Света неумолима — и мы, сразу поверив ее искусству, поем. А реликтовые пихты-великаны качают над нами на ветвях своих звезды.

И вдруг запела Света:
«Зорка Венера ўзышла над
зямлёю,
светлыя згадкі з сабой

прынясла...»
и подпели мы ей, и подпел неожиданно даже «хулиган» Па-ша, и Дайна, не зная слов, подпела, и Янис, и сам Кизгыч. ...Когда-то шли мы от хутора Тесны, что затерялся в лесах на берегу Рыбчанки, шли в Равку. Шли налегке. Уже вечерняя роса смочила травы. Уже ранние звезды густо высыпали на небо. Уже кошелки с гриба-

ми оттягивали руки, и хотелось поскорее добраться до катки гостеприимного деда Болеслава Константиныча, усестся на скамейку у крыльца, а еще лучше — выпить парного молочка да завалиться на сеновал.

А утречком, когда голубая зорка Венера светлячком повиснет над Рыбчанкой, снова поспешить в лес, за грибами да ягодами, радуясь каждой находке, как открытию...

И где бы ни слышал я, где бы ни пел эту песню — вспоминается мне пахучая земляничная поляна за Радошковицами, речушка Гайна и аисты на ее берегах, палатка на высококом берегу Березины, где было мне тогда так хорошо, как никогда уже не будет. А иногда, совсем уже непонятно почему, вдруг увидится, как топотунчик-сынишка бежит по дорожке пристадионного скверика. Или, что уже совсем ни к чему, недоделанные к отпуску чертежи станка, который никак мне не давался раньше, но теперь вдруг открылось мне, как его довести до ума, где истина, — эх, дали мне бы сюда сейчас кульман! Странные мысли...

Гроза разорвала небо как раз, когда мы стояли на узкой тропке, а внизу, под семидесятиметровым обрывом, грохотал Кизгыч, зажатый скалами в узкую щель, обозначенную на картах-кроках под таинственным названием «Чертова мельница».

Между небом и водой, укрывшись желтыми полиэтиленовыми накидками, стояли мы, по моему легкомыслию совершенно не подготовленные к такому обороту событий. Все в шортиках да в маечках. Стеная с клеенок, дождевые капли летели вниз. За спиной гудели скалы, отзываясь громом. Пять минут назад они были горячими, даже раскаленными, а теперь — мокрыми и холодными камнями они леденили спины.

Внизу, над самой расселиной, где скрипели жернова-вадуны, металась из стороны в сторону маленькая березка, непонятно как и зачем отважившаяся жить на таком месте.

В сердце моем смешались восторг и страх за товарищей: не поскользнулись бы, не полетели бы туда! А новая молния, извиваясь, летела над ущельем, и новый гром оглушал нас: это был какой-то удивительный спектакль, где природа демонстрировала свою мощь, подобно культуристу, выставляя напоказ выпуклые мышцы свои...

Давным-давно в ослепительно ясный августовский день шли мы по Эльбрусу к близкой уже гостичице — Приюту Одиннадцати. Может, сто метров оставалось, может, сто пятьдесят, когда над одной из вершин Эльбруса показалось маленькое белое облачко, и наш инструктор сказал:

— Ну, ребята, бегом в Приют!

И побежал.

Мы были наивны: что бежать, если идем по льду, голые по пояс, если греет солнышко, если на душе радостно и Приют рядышком. Беги себе!

А через мгновение мы, ослепленные снегом, летящим сразу со всех сторон, избитые ветром, буквально ползли к Приюту и искали его дверь, как ворота от рая...

Все гудело. Ревел буран, сотрясая стены Приюта. А в окнах-алюминаторы было видно, как далеко внизу, в Баксанском ущелье, зажигались и гасли молнии: там бушевала гроза...

И длилось все это три дня. Спасибо неведому откуда явившемуся Мише Хергиани — живой легенде сванских гор и герою всех рассказов бывалых альпинистов.

Он повел нас вниз. Нюх у Миши был замечательный: не видно ни эги, трещины занесены снегом, а он вывел нас точно сначала на ледовую станцию, а к вечеру — в Баксанское ущелье, к замечательной шашлычной, где по случаю нашего появления был приготовлен мгновенно каждому замечательный шашлык из баранины...

Утром, когда проснулись, Миши уже не было: наверху все еще бушевал буран, и в приюте Пастухова сидели ребята-альпинисты.

Давно уже погиб Миша,

Хребет исчерчен полосами снега и поэтому очень похож на зебру. Огромная бело-зеленая зебра дремлет под утренним солнцем.

На перевале Дукка в туре, сложенном из камней, находим банку с запиской:

«Прошли перевал. Поливает. Холодно. Мы из Гомеля. Привет, друзья! Хорошей погоды».

А мы млеем от жары. Пишем свое послание идущим за нами. Радуемся, что впереди идут земляки.

И бежим вниз.

По траве, по камешкам.

Правее, еще правее.

Мимо пустого коша.

Лагерь разбиваем над лесом, набитым малиной. Перед нами раскинулась панорама Бокового хребта. Горы! Облака.

Столько дней видим горы — а удивляться не устали.

Наползают облака. На западе, в стороне моря, они синие и грозовые. На востоке, где Домбай, — белые, веселые.

Янис в блокноте рисует. Силуэты, силуэты — гор, облаков, наши.

Паша загляделся: тьфу-тьфу: чтоб не сглазить, не влюбился ли он в Кавказ?!

Комиссар пишет отчет.

Дайнора и Света перешептываются, смеются.

Я варю обед.

Прекрасные будни похода. Попробуй, заставь меня дома готовить. Тошно станет. А здесь все в радость — дрова, варка, штопка, даже мытье посуды над рекой или ручьем. Потому что не стены вокруг — горы и лес. Не крыша над головой — небо.

Три памятника обозначили тропу к Адзапшу. У подножья каждого — горы гильз, патронов, стволы.

До свиданья, Северный Кавказ!

Вниз, вниз. По тропе, бесконечно долгой и крутой. По льду. Мимо скал. Через альпийские луга. Через буковый лес. И выскочили, наконец, к хутору на уютной поляне. Ноги стали занывать. Не в равном месте стоять не можем: колени дрожат. А двигаться надо: уже вечер.

Ставим палатки. Собираем дрова.

Пока варится обед, идем с комиссаром к хутору. Беленький домик. Приветливо встречают нас молодая хозяйка и муж ее — оба лет двадцати трех:

— Здоровеньки булы, хлопцы! Абхазия ли это? Не Карпаты ли?

Все объяснилось просто: живут здесь, в селении Псху, укрытом горами, потомки казаков. Есть в селе, разумеется, и абхазцы, и лезгины, и греки. Но больше всего украинцев. И дома в селе похожи потому на мазанки.

Хозяйка наливает нам от души парного молочка: на хуторе пять коров. Молока хватает и хозяевам, и детям. В комнате — книги. Электрический свет. Нет телевизора: еще не построили на горе ретранслятор.

Комиссар вздыхает:

— Пожить на таком хуторе. Вот уйду на пенсию...

Вечером, после короткого обеда, выяснилось, что все мечтают о такой жизни, но у каждого есть тысяча неотложных дел в городе, и пока переселение придется отложить.

Крутым серпантином пошла вниз дорога. И вдруг выскочил вездеход на асфальт к хутору Авадхаре, и понесся вдоль шумной Бзыби, мимо озера Рица с шашлычными, автобусами, ошеломленной публикой, восхищенной красотой Рицы и не подозревающей, что есть на земле Софийские озера, Куликолонские озера, Алоудинские озера, о которых и говорить не хочется — пел бы песни.

Поскорей. Поскорей. Несись вперед, вездеход, к морю, у которого попляжнимся мы два три дня и махнем в Минск, чтобы разойтись по домам, вернуться на работу, насладиться чтением книг, а потом броситься к телефону:

— Комиссар, как жизнь?

— Светка, что подельваешь?

И слышать их радостные вопли и понимать, что ничто не кончается, и все -- впереди.

а все видится он мне живым: худой, гибкий, с блестящими глазами, в сванской шапочке под капюшоном штормовки. Идет, точнее, летит над снегом, летит так легко, что и снег под ним не проваливается...

Гроза была, к счастью, короткой. А солнце быстро высушило тропу и нас.

Старик-карачаевец сидит у тропы. У ног его — большеголовая псина с телянка ростом.

Коровы пасутся на довольно крутом склоне. Как они там лезят, не совсем понятно: много в траве камней.

Старик охотно поясняет: камни, конечно, мешают, но страшны не камни. Вот наезжают из Карачаевска «любители природы» на выходные, а после их общения с природой остаются в камнях да в траве стекла битых бутылок да банки. То и дело коровы режутся, ранят ноги. Был случай — прирезать пришлось племенную телку.

— Плохие люди! Очень глупые! — в сердцах роняет старик.

Всюду одно и то же. И здесь, где ущелье довольно легко доступно каждому. И под Минском, где у пионерлагерей после наезда родителей остаются в лесу груды мусора...

Обидно, когда всех этих гуляющих называют туристами.

Туристы не оставляют после себя и соринки. Никогда не забудут они потушить костер, закопать банки да склянки, сжечь мусор. Потому что кто-то придет следом на твое место — и хочется, чтобы он получил такое ж наслаждение от природы, как и ты сам. Живая, ранящая, дружелюбная и грозная, всегда близка и необходима душе человека природа.

Ч
Т
С
Ц
М

С
Т
(

10
Н
Ж
И
Л
Г
С
У
Т

10